

проблематизации дара интересен своим потенциалом распознавания многообразия этических различий в стоимостных отношениях «лицом-к-лицу». В контексте такой исследовательской установки подлежат обнаружению гуманистические паттерны хозяйственных взаимодействий, полагающие предел экономической рациональности и редуционистскому калькулированию стоимостных затрат.

МИФЫ И ВЛАСТЬ ПРАВСТВЕННОЙ ПУСТОТЫ

К. М. Ольховиков, С. В. Ольховикова

Данный текст представляет собой краткие тезисы доклада, развивающего идею инвариантного статуса морализма в жизненном мире человека. Основные аргументы содержательны и не содержат формальных референций с методологическими ресурсами в той мере, в какой их смысл, назначение и границы применимости могут восприниматься как интуитивно понятные.

Морализм – не просто страница или раздел истории культуры, морализм актуален вопреки нарицательным формам его публичного бытования. Энергия нравственных склонностей – весьма действенный ресурс развития исторических событий – от рождения мировых религий до цветных революций. Не рациональные аргументы, но оттенки переживаний выдвигают общественные нравы на авансцену мировой истории. При этом все внимание публики оказывается полностью поглощенным объектом, к которому применяются разнонаправленные нравственные установки, и нравы благополучно пребывают в статусе заурядной повседневности, уступающей по рационализации даже здравому смыслу. Собственно, и относительная не-наблюдаемость жизненного мира человека связана с тем, что именно нравственные энергии составляют его принципиальную почву, конституируют его. Относительность, разнообразие компонентов, и способов репрезентации в равной степени свойственны общественным нравам и повседневным смысловым установкам как таковым. Это родство разнообразия.

Морализм в качестве нарицательной фигуры интеллектуальной традиции вполне редуцирован к упрощенным позитивным трактовкам социальной регуляции как таковой, рассматривается как малоинтересный архаичный способ воспроизводить в сущности неразрешимые противоречия человеческих самооценок. И не в некоем углубляющем понимании смысле, а исключительно в смысле повторения одного и того же. Морализм – «недоэтика», и не так существенен, как этика, с точки зрения аргументации каких-либо актуальных для современной цивилизации позиций, суждений, доктрин. Морализм вполне разделяет свойства

общественных нравов и жизненного мира человека, вполне функционально изоморфен им, взятым как вместе, так и по отдельности.

Но есть еще один, значительно менее заметный аспект морализма, общественных нравов, и жизненного мира человека. Настолько незаметный, насколько он фактически доминирует в истории социальной регуляции и в развитии человеческой цивилизации. Это нравственная пустота. Сравнение последней с темной материей во вселенной помогает понять масштаб проблемы, но не придает ей более определенных очертаний. Ключ к определенности сокрыт в мифологии, ее доисторических инвариантах, получающих разнообразные вариативные воплощения в истории.

Власть социологически аморфна, диагноз М. Вебера вполне окончателен, но стоит упомянуть, что эта аморфность имеет свои корни в мифологии. Миф амбивалентен, но современная социальная мифология исключительно негативна, и не может быть иной, поскольку создает пространство неопределенности в аспекте публичных ожиданий и провоцирует постоянные инструментальные риски в аспекте социальной регуляции посредством диспозиций и намерений (определяющих, в свою очередь, стереотипы и мотивы).

Вопросы управления сегодня разрослись до чудовищных конструкций в области так называемых моделей управления, и причины этого утрированного прогресса обусловлены мифологическими ресурсами власти нравственной пустоты. На поверхности социальной жизни мы имеем противоречия способов принятия решений и профессиональных культур, на глубинном уровне мы ощущаем гибельность процессов рационализации человеческой жизни.

Россия, как всегда, являет собой пример яркой атипичности, выражающей наиболее существенные грани и противоречия мифологии нравственной пустоты. Смута как таковая – наиболее верный спутник власти, зеркало власти, ее верный оппонент, не только не сдерживающий властные амбиции как таковые, но, напротив, раздражающий аппетит подобных амбиций. Мифы власти не сосредоточены в публичных социальных символах власти. Это профессиональное поприще политологов, кормящихся от власти. Мифы власти уходят своими глубокими корнями в соблазны деструктивной установки, выражают предвосхищение прелестей насилия. Недифференцированные ментальные установки молчаливых исторических масс, о которых метко высказывался П. А. Сорокин, – антиподы и верные оруженосцы власти одновременно. Простейшее, на первый взгляд, желание быть начальником, которому всегда можно найти вполне здравомыслящие рассудочные аргументы, которые позволяют повздыхать о нравах, это желание

представляет собой лишь верхушку айсберга весьма сложных отношений внутри темной части жизненного мира человека.

Обида на жизнь производит на свет наиболее мотивированных сотрудников. Становление этого поголовья воспитательно представлено в современных моделях менеджмента персонала. История начальственных амбиций – не история вовсе, в ней нет какого-либо движения социального смысла, какого бы то ни было изменения установок в качественном смысле. Радикальные изменения полностью исчерпываются внешними ситуациями, но внешность в данном случае, как и в большинстве случаев, обманчива. Экстатические бунты недоверия власти представляют собой наиболее верный индикатор глубокого восприятия власти как своей на уровне наиболее негубличных склонностей человеческой натуры.

Война различных партий во властных сферах всегда убога, всегда безнравственна и унижительна по отношению к любым попыткам самосознания человеческой личности. Но и наиболее одаренные личности не могут быть свободны от мифов нравственной пустоты, подвластны им и наполняют ими свои собственные властные амбиции, какой бы вид они не принимали. Нет существенной разницы между верноподданническим угаром и решительным критическим анархизмом в отношении к властям с точки зрения глубинных нравственных (безнравственных) предпосылок.

И тем не менее, существуют различия нравственного исхода событий политической жизни, но не в ее исключительном статусе публичной официальности социальных интересов, а в плане выражения человеческих установок на фоне радикальной нравственной пустоты. История мифологична в высшей степени, идет ли речь о той или иной форме провиденциализма, или о различных попытках утверждения идеалов открытости мышления, культуры, общества. Собственно, непредсказуемость, которая обычно позиционирована за рамками исторического мышления, вполне выражает тот или иной вариант ответы на вызовы нравственной пустоты. Чудо не исторично в самом нарицательном смысле термина «история». Чудо – это всегда победа мифологии позитивной над мифологизацией неподлинных обломков, преподносимых на одном уровне с историческими фактами.

Аутентичные мифологические ресурсы русской цивилизации вполне свободны от устрашающей имиджеологии западного сценария глобализации. Вместе с тем, такого рода лояльность к позитивным мифам в русской культуре порождает в равной степени беспрецедентные формы зависимости от негативных мифологических сценариев. Запальчивость Н. А. Бердяева, фактически вычитывавшего в русской трагедии смыслы демонстрации того, как жить нельзя, вполне понятна, но все-таки, не достаточно радикальна.

Русская история не может быть размещена в рамках какой-либо рационалистской модели исторического процесса. При этом важно учитывать то обстоятельство, что факты, позволяющие адекватно оценивать события русской истории, находятся не в мире абстрактных объектов, но связаны с опытом переживаний жизненных ситуаций, повседневных социальных взаимодействий, актуальных общественных нравов. Рост интернет коммуникаций – не просто симптом информационной цивилизации, но также и фаза выражения «изнаночной» истории человечества наиболее адекватным и эффективным способом.

Психоанализ стал профессией, постмодернизм вполне олитературился, и только морализм, вполне недооцениваемый в последние тысячелетия, ненавязчиво присутствует в качестве авангарда актуальной исторической драмы человечества.

**ЗНАЧИМОСТЬ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ
В ЛОКАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКЕ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ГЛОССАРИЙ
ПО ФИЛОСОФИИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА**

Б. В. Орлов

Как показывает опыт развития современной эстетики, она с трудом справляется не только с общими вызовами XXI века, но и с реалиями современного искусства. То есть, она все больше и больше отстает в своем развитии от актуального бытийствования и перестает быть действительно современной и значимой в этой связи.

Одна из важных причин этой философско-эстетической неутоешительности (почти тотальной), видимо, в том, что те границы осмысления искусства (да и эстетического опыта в целом), которые ранее теоретической эстетикой были маркированы, уже почти не соответствуют духу времени, но, к сожалению, продолжают существовать и отчасти все еще продолжают радовать тех, кто находится по эту сторону границ, то есть, в «сфере эстетики». Как же преодолеть этот болезненный для живой эстетики, реально живущей только «здесь-и-сейчас» и экзистенциально значимой именно в этом, возникший разрыв не только между должным и сущим (что, скорее, этизирует эстетику и приводит к соответствующим симулякрам), а, что более важно, – между прошлым и будущим эстетики?

В сложившейся тупиковой для классической эстетики ситуации неизбежна смена тренда, то есть, движения традиционно опять не в сторону «пост» (даже если это и «постпост и т. д.»), а в сторону